

ОТКРЫТЬ ПУБЛИКЕ НОВОЕ

Премьера... Сложность обращения к новому материалу, отсутствие «ориентиров» в виде опыта предшественников компенсируются возможностью открыть публике неизвестную музыку. Предложить первое ее прочтение, которое, быть может, станет основой для последующих интерпретаций, положит начало определенной исполнительской традиции. От музыканта, который сумеет понять, прочувствовать замысел автора и донести его до слушателей, во многом зависит дальнейшая судьба новых творений. Полное совпадение замысла композитора и намерений интерпретатора, когда музыка кажется специально для него написанной, — мы знаем, — встречается далеко не часто.

Вокальной поэме Георгия Свиридова «Отчалившая Русь» на стихи Сергея Есенина, написанной в 1978 году для тенора в сопровождении фортепиано, своего исполнителя пришлось некоторое время подождать. Ее представил публике Владислав Пьявко. За исключением нескольких номеров Поэма в течение последних двух сезонов звучала в его концертах, но лишь в феврале нынешнего года на своем сольном вечере в Большом зале консерватории певец впервые исполнил ее полностью. Отрадно, что это исполнение свидетельствовало как раз о таком полном совпадении творческих намерений, когда можно утверждать, что композитор нашел в интерпретаторе подлинного единомышленника, а интерпретатор — свое произведение.

Звучание «Отчалившей Руси» определила тонко почувствованная Г. Свиридовым трагическая глубина интонации поэта. Масштабность есенинского мироощущения обусловила необычайно яркие и обладающие властной притягательной силой образы поэмы. Основу ее составили стихотворения и отрывки из циклов и «маленьких поэм» — «Пришествие», «Иорданская голубица», «Октоих», «Пантократор» и другие. Эти произведения были созданы Есениным в период 1917—1920 годов. (Только открывающая поэму «Осень» датируется 1914—1916 годами.) Г. Свиридов обратился к самому, быть может, «сложному» Есенину, услышав в лирико-символических образах поэта отголоски великих исторических катаклизмов. Композитор нашел, мне думается, единственно возможную последовательность стихотворений, драматургически выстроив поэму как сквозной цикл. Звучание каждой части подчинено своей логике, имеет свое внутреннее движение, кульминацию, но воспринимается прежде всего в контексте целого. Они словно вырастают одна из другой, развивая единую идею, образ единого героя — человека, мучительно пытающегося осмыслить эпоху грандиозных переломов в истории отечества.

Уже в первом номере («Осень») в теме осенней грусти, угасания природы начинает звучать мотив тоски по первозданному. Но пока он как бы подернут дымкой, скорее угадывается, намечается. Образ ушедшего конкретизируется («Я покинул родимый дом, голубую оставил Русь»); отрыв от исконного, родного, истинного ведет к утрате уверенности в себе, к душевной усталости, к желанию прервать земное бытие. В номере «Отвори мне, страж заоблачный» возникает пронзительный образ бью-

щегося в тугом аркане коня — зажатой в тисках силы. Это крик, вырвавшийся из самых глубин сердца. Незведанность пути, может быть безысходного, вновь приводит к мысли «ухода ко вратам господним» («Серебристая дорога»). Но возможности возвращения к прошлому нет — Русь «отчалила», сдвинулась с места, летит («Отчалившая Русь»). Стремление героя к прежней гармонии — в трагическом противоречии с невозможностью вернуться к ней. Нет возврата ни к прошлой Руси, ни к себе прошлому. Отсюда мучительное, предельное одиночество («Симоне, Петр...»). Тщетная попытка вырваться из этого круга — обращение к родному дому («Где ты, где ты, отчий дом?»). Но возникает образ времени — «мельницы с крылом», завертывшей дом в тучах. Новая попытка взлететь, раствориться в упоении удалю («Там, за млечными холмами»). Но как быстро сменяется она обнаженным отчаянием («Трубит, трубит погибельный рог»)... И такая понятная, земная тоска по уходящей молодости, по тому, что не успел сделать («По-осеннему»)! Во вновь появившемся образе осени — щемящая грусть оттого, что жизнь продолжится и после ухода поэта. Но, плоть от плоти Руси, он не может не найти к ней пути, не может не понять, что взлетела она, освободившись от всего старого, веками державшего ее в тисках, не может через свое «благословенное страдание» не обрести ее вновь. И через робко возникающую тему надежды («О верю, верю, счастье есть!») герой приходит к обретению себя и новой преображенной Родины:

Тебе, твоим туманам
И овцам на полях
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.

«О родина, счастливый и неисходный час» — кульминация поэмы, захватывающая необычайной силой, ликующим жизнеутверждением, оптимистически высветляющая ее трагический колорит...

Перед исполнителем эта музыка выдвигает огромные трудности, как чисто технические, так и в особенности образно-выразительные. Написанное в расчете на полный диапазон тенора, в сложной тесситуре, с частым использованием крайних регистров, это произведение требует от артиста насыщенного и крепкого голоса, виртуозного вокального мастерства. Всем этим в полной мере обладает В. Пьявко, сделавший трудности незаметными для слушателей и целиком сосредоточившийся на раскрытии сложнейшего мира поэзии и личности Сергея Есенина, воссозданного в замечательной музыке.

Это обращение певца к «музыкальному» Есенину далеко не первое: В. Пьявко вообще очень хорошо чувствует творчество поэта. Уместно вспомнить состоявшийся семь лет назад концерт в Малом зале консерватории, программу которого составили цикл «У меня отец — крестьянин» и четыре песни из цикла «Деревянная Русь» Г. Свиридова, а также есенинские романсы и песни, созданные А. Кос-Анатольским, В. Косенко, Р. Бойко, А. Живцовым. Уже тогда поразили глубина трактовки, умение певца доносить поэтическое слово в его вокальной весомости. Творческий кругозор артиста постоянно

...иногда
...и прочтение «Отчалившей Руси», безусловно, предопределено всеми предыдущими его достижениями, среди которых следует назвать прежде всего предшествующие обращения к Г. Свиридову и интерпретации русских народных песен с их богатством душевных движений, многообразной гаммой чувств — от молодечества, лихости до печали, глубоко затаенной боли. Сколь это ни покажется странным, «прорвался» в нынешней премьере и обнаженный нерв его Германа, в образе которого трагическое начало выражено певцом ярко, последовательно и точно.

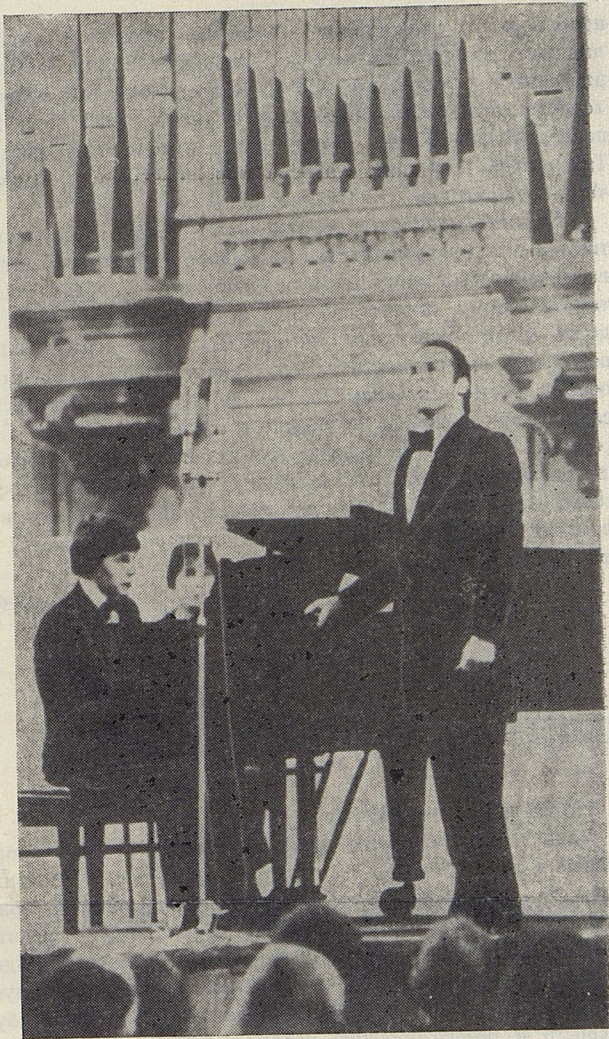
Значительно выросшее за последние годы мастерство Пьявко-артиста (напомню о великолепно удавшихся ему образах в спектаклях «Мертвые души» и «Катерина Измайлова»), вероятно, требовало для своей реализации произведения нового, неординарного и сложного. Именно таким произведением и стала «Отчалившая Русь». Можно с полным основанием утверждать: она ознаменовала в творчестве В. Пьявко определенный новый этап.

В поэме ему предстояло передать необыкновенное психологическое богатство всеохватного мироощущения художника. Глас «погибельного рога», вещающего о крахе векового уклада, грандиозные образы «отчалившей», сдвинувшейся с места, взлетевшей, мчащейся Руси — и мельчайшие нюансы внутреннего состояния человека, проникновенный, теплый лиризм. И передать так, чтобы этот контраст не нарушил, но обусловил цельность произведения. Владиславу Пьявко удалось воплотить все это на одном дыхании!

Певец достиг предельной вокальной выразительности в богатейшей гамме чувств и настроений: от светлой печали до отчаяния, от безысходной тоски до буйной радости, от грустной задумчивости до яростного жизнеутверждения. Он нашел для каждой из двенадцати частей ярчайшие и убедительнейшие краски, мастерски используя свои замечательные *mezza voce*, *piano* и *pianissimo*, свободу и «залетность» верхних нот. Почти физического ощущения беспредельности пространства добился певец в романсе «Отвори мне, страж заоблачный», захватывающего дух полета — в «Отчалившей Руси», акварельной прозрачности зримых образов тумана, дороги, осени... Напряжению натянутой струны («Трубит, трубит...») он противопоставил теплое, мягкое, пастельное звучание («По-осеннему»).

Уже говорилось, что жанр своего произведения композитор определил как поэму для тенора в сопровождении фортепиано. В воплощении «Отчалившей Руси» равным партнером В. Пьявко выступил Аркадий Севидов. Известный пианист необычайно насыщенно и образно исполнил свою партию, выказав при этом превосходное чувство ансамбля. Дуэт В. Пьявко и А. Севидова уже не первый раз являет собой пример подлинно творческого совместного музицирования.

Свой концерт в Большом зале консерватории В. Пьявко целиком посвятил музыке Г. Свиридова, пригласив принять участие в нем и инструменталистов. Второе отделение открыло проникновенно, с настроением исполненное А. Севидовым, С. Рябовым и К. Цветковой Трио для фортепиано, скрипки и виолончели. А затем слушатели вновь погрузились в поэтический мир Есенина:

прозвучал известный цикл песен «У меня отец — крестьянин».

На первый взгляд, этот цикл представляет нам более традиционного, если так можно выразиться, Есенина. Богатство и прелесть знакомых лирических образов были раскрыты В. Пьявко с глубоким проникновением в их ярко национальный характер: безмятежной широкой удалью захватили «Сани», целомудренно, трепетно прозвучала «Березка».

Солист Большого театра М. Маслов предложил интересную интерпретацию песен «В сердце светит Русь» и «Песня под тальянку». В заразительно ярко исполненных В. Пьявко и М. Масловым дуэтах «Рекрута» и «Вечером» отозвались бесшабашность, открытость и юмор. Эти дуэты, как и фрагмент «По-осеннему» из «Отчалившей Руси», по просьбе публики бисировались.

Поистине блестящим завершением концерта стал романс «Есть одна хорошая песня у соловушки», поразивший не только технической безупречностью исполнения этого большого по диапазону и тесситурно сложного произведения, не только удивительно свежим звучанием голоса (последний номер напряженнейшей программы!), но

прежде всего неожиданно глубоким прочтением традиционного для русской песенной лирики мотива загубленной, растраченной молодости. Остро вспомнилось, что это стихотворение написано Есениным в апреле 1925 года и в последний год жизни поэта было самым его любимым. Трагическое звучание, которое обрела «Песня», выявило четкую параллель с «Отчалившей Русью»...

Сольные концерты Владислава Пьявко отличаются тщательной продуманностью в выборе репертуара, четкой выстроенностью программы, подчинением ее определенному тематическому, стилистическому, логическому единству. Но даже среди неизменно интересных и содержательных вокальных вечеров артиста этот, на наш взгляд, занимает особое место. Значение его — не только в знакомстве слушателей с новым интересным произведением Г. Свиридова. Слушатели открыли для себя Есенина глубокого и трагического, который оказался значительно шире и серьезнее стереотипа его, так сказать, повседневного восприятия. Творческий результат несколько неожиданный, но тем более ценный...

Н. Хачатурова